

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Н.Е. ТИХОНОВА

Структурные предпосылки и основные типы российской бедности

В статье проблема бедности в России как “бедности по лишениям” и “бедности по доходам” анализируется в связи с проблемами многоукладности экономики страны. Выявлены структурные предпосылки российской бедности. Даны оценки различных ее типов (доиндустриального, индустриального, постиндустриального) и рекомендации борьбы с бедностью, учитывающие особенности каждого ее типа.

Ключевые слова: бедность, депривация, прожиточный минимум, социальная политика.

The problem of poverty in Russia is analyzed as “poverty deprivation” and “income poverty” in connection with the problems of a mixed economy of the country. The structural background of poverty in Russia is discovered. Estimations of its different types (pre-industrial, industrial, post-industrial) and recommendations of the fight against poverty, taking into account the characteristics of each of its type, are given.

Keywords: poverty, deprivation, a living wage and social policy.

В предыдущей статье, посвященной анализу гетерогенности бедности в России [Тихонова, Слободнюк, 2014], были рассмотрены отличия разных видов российской бедности – бедности “по лишениям” и “по доходам”, а также ситуационной, плавающей и хронической бедности. В этой статье мне хотелось бы сосредоточиться на другом срезе проблемы гетерогенности российской бедности, связанной с многоукладностью российской экономики. Однако сначала подчеркну – при всей многоликости и гетерогенности российской бедности, когда мы говорим о “бедных”, независимо от того, о какой именно группе бедных идет речь, предметом анализа всегда является единая социальная группа, положение отдельных членов которой, глубина и продолжительность их бедности, число и набор испытываемых ими лишений или степень их люмпенизации могут различаться, но не отменяют факта специфического места бедных как особой социальной группы в социальной структуре российского общества. И место это определяется прежде всего теми профессиональными позициями, которые им позволяют занимать имеющиеся в их распоряжении ресурсы и ситуация в экономике страны как в целом, так и на локальных рынках труда.

Глядя под этим углом зрения на сложившуюся сегодня ситуацию с бедностью, можно утверждать: *российская бедность сегодня – следствие прежде всего наличия в российском обществе структурных предпосылок массовой бедности*. Это значит, что при анализе причин бедности в первую очередь надо учитывать прежде всего ту картину рабочих мест, которые предлагает работникам российская экономика.

Структурные предпосылки российской бедности

Профессиональная структура российского общества отражает фактически уже сложившуюся в России модель экономического развития, одной из характерных особенностей которой выступает доминирование предприятий первичного и вторичного секторов с зачастую низкотехнологичными или устаревшими производствами. Следствием этого выступает *распространенность низкооплачиваемых рабочих мест, что автоматически ведет к массовой бедности работающих*. Так, около 13% всех работающих, по данным Росстата (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obsled/trud2011.htm), получали в 2011 г. зарплату ниже среднероссийского прожиточного минимума, еще около 10% – зарплату менее 1,5 прожиточных минимумов (ПМ)¹. При этом есть даже целая социально-профессиональная группа, средняя зарплата в которой по данным Росстата и сейчас не превышает 1,5 ПМ – это неквалифицированные рабочие (<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/wages/#>). Понятно, что решить проблему “запрограммированной” бедности миллионов работающих за счет социальных трансфертов невозможно, и для ее решения требуются меры политики, связанные с регулированием рынка труда, а не социальной поддержкой. Пока же тенденции соотношения минимальной заработной платы и прожиточного минимума говорят скорее об отказе государства от попыток влияния на эту ключевую структурную предпосылку российской бедности, а не об усилении его регулирующей роли: официально установленный минимальный размер оплаты труда составляет сейчас менее двух третей ПМ и сократился по отношению к нему за последние три года с 78,8% в 2009 г. до 67,5% в 2012 г. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/garan.htm).

Если говорить в этой связи об **уровне заработной платы** небедного и бедного населения, причем с дифференциацией последнего на бедных “по доходам” и бедных “по лишениям”, то заметно сходство двух групп бедных между собой, с одной стороны, и противостояние их небедному населению – с другой (см. табл. 1)². Таким образом, *если в том, что связано с особенностями ситуации в их домохозяйствах (численность и структура домохозяйства, место жительства, средний возраст их членов и т.д.), портреты бедных “по доходам” и бедных “по лишениям” различаются, то, когда речь идет о включенности бедных в систему производственных отношений и их месте в этой системе, речь в обоих случаях идет прежде всего о людях, занимающих низшие структурные позиции (то есть о низшем классе [Тихонова, 2010^a, 2010^b; 2011])*.

Почему же так велика в современной России доля рабочих мест с низкой и очень низкой заработной платой? Конечно, отчасти сказывается на сложившейся ситуации невыгодное для работников соотношение спроса и предложения на ряде сегментов рынка труда, которые в развитых странах обеспечивают высокооплачиваемую занятость. Играть свою роль и особенности российского трудового законодательства,

¹ Эмпирической основой анализа выступали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) – панельного исследования, проводимого с 1992 г. Его базы представлены как в репрезентирующей население страны за каждый год версии, так и в более полной версии панели респондентов за весь период наблюдений. Далее, если не оговорено иное, данные относятся к репрезентативным базам РМЭЗ. В статье использованы базы за 2005–2011 гг., и именно на данных 2011 г. строится основной анализ профессионального портрета бедных в данной статье. Более подробно об этом исследовании и его выборке см.: <http://www.hse.ru/rflms/>.

² Расчеты здесь и далее проводились автором вместе с преподавателем НИУ–ВШЭ Е. Слободенюк.

Отношение средней заработной платы работающих представителей различных групп к региональному прожиточному минимуму трудоспособных (РМЭЗ, 2011 г., в %)

Группы	Заработная плата менее ПМ	Заработная плата от 1 до 1,5 ПМ	Заработная плата от 1,5 до 2 ПМ	Заработная плата более 2 ПМ
Бедные “по доходам”	22,4	18,8	12,2	46,6
Бедные “по лишениям”	25,0	17,5	13,6	44,0
Небедное население	9,1	13,6	14,7	62,6

не способствующие ограничению естественного стремления собственников к увеличению нормы прибыли за счет работников, а также специфика российских профсоюзов³ и институциональной среды в целом, препятствующие наращиванию работниками своей переговорной силы в отношениях с работодателями.

Однако главную роль играет динамика структуры российской экономики и, соответственно, предлагаемой ею работникам структуры профессиональных позиций. Как показывают исследования, экономические реформы 1990-х гг. и последовавшая за ними структурная перестройка экономики повлекли за собой ее *фактическую деиндустриализацию с одновременным сокращением числа занятых как в индустриальном секторе в целом, так и на крупных и средних предприятиях в частности* [Аникин, 2011; Российский... 2011]. На первый взгляд, это напоминает ситуацию с переходом к позднеиндустриальному этапу развития в так называемых развитых странах. Однако динамика структуры занятости населения в России такова, что не позволяет говорить о начале перехода к позднеиндустриальному типу общества с характерным для него ростом занятости на рабочих местах высококвалифицированного нефизического труда (см. табл. 2). Напротив, *в России речь идет скорее о сокращении всех типов рабочих мест квалифицированного физического труда при одновременной стагнации занятости работников квалифицированного умственного труда и росте числа рабочих мест нефизического труда средней и низкой квалификации, особенно – в торговле. Таким образом, деиндустриализация привела в России к росту относительно низкооплачиваемых рабочих мест.*

Учитывая эти общие тенденции динамики профессиональной структуры России в последние десятилетия, посмотрим как же изменялся на этом фоне профессиональный состав работающих бедных (см. табл. 3). Как видно из таблицы 3, если говорить о тенденциях, то в целом *динамика профессиональной структуры бедного населения отразила ситуацию с занятостью в стране в целом – чуть уменьшилась в составе занятых доля высококвалифицированных “белых воротничков”, заметно увеличилась доля работников нефизического труда средней и низкой квалификации (особенно – у бедных “по доходам”, среди которых их совокупная доля выросла с 34,6 до 39,5%) и сократилось число квалифицированных рабочих (особенно сильно у бедных “по лишениям” – с 35,6 до 30,5%). Однако, несмотря на схожесть тенденций, обе группы бедных отличаются от небедного населения, во-первых, в разы более низкой долей “белых воротничков” высокой квалификации, а во-вторых, в разы более высокой долей разнорабочих.*

Для развитых рыночных экономик такая ситуация нормальна, ведь именно лица неквалифицированного труда оказываются там, как правило, в числе бедных. Однако

³ В силу специфики организации унаследованных от советского времени профсоюзов (в частности, отраслевой, а не профессиональный принцип их формирования) они заведомо не могут играть в рыночных условиях роль эффективного представителя интересов трудящихся. В то же время, особенности российского трудового законодательства, а также общая слабость гражданского общества и навыков самоорганизации у граждан помешали формированию при переходе к рыночной экономике профсоюзов нового типа или иных ассоциаций, способных защищать интересы наемных работников.

**Динамика численности укрупненных профессиональных групп (ISCO-88)
по населению России в целом в 1994–2011 гг.
(РМЭЗ, в % от работающих)⁴**

Укрупненные профессиональные группы	1994 г.	2005 г.	2011 г.
Высококвалифицированные “белые воротнички” (0, 1, 2, 6 классы по ISCO-88)	19,4	17,7	18,3
“Белые воротнички” средней и низкой квалификации (3, 4 классы)	20,3	23,9	27,4
Занятые на простых позициях в торговле и бытовом обслуживании (5 класс)	8,2	10,7	11,7
Квалифицированные рабочие (7, 8 класс)	37,6	33,1	28,6
Неквалифицированные рабочие (9 класс) ⁵	14,5	14,6	14,0

Таблица 3

**Динамика профессионального состава бедного и небедного населения
в 2005–2011 гг. (РМЭЗ, в % от работающих по группам)**

Группы		Высококвалифицированные “белые воротнички” (0, 1, 2, 6 классы по ISCO-88)	“Белые воротнички” средней и низкой квалификации (3, 4 классы)	Занятые на простых позициях в торговле и бытовом обслуживании (5 класс)	Квалифицированные рабочие (7,8 класс)	Неквалифицированные рабочие (9 класс)
Бедные “по доходам”	2005 г.	13,0	22,2	12,4	32,0	20,4
	2011 г.	11,6	24,8	14,7	29,8	19,2
Бедные “по лишениям”	2005 г.	7,7	19,4	13,7	35,6	23,6
	2011 г.	7,5	21,1	13,2	30,5	27,6
Небедное население	2005 г.	22,1	26,3	9,5	31,4	10,7
	2011 г.	21,1	28,4	10,7	28,0	11,7

в России картина в этом отношении и похожа, и не похожа. С одной стороны, неквалифицированные рабочие в большинстве своем и в России попадают именно в состав бедных, причем на три четверти – или в состав хронически бедных, то есть находившихся в бедности большую часть времени в период 2005–2011 гг. и в массе своей оказавшихся бедными и в 2011 г., или же в зону риска хронической бедности, то есть тех, кто находились за это время в бедности не менее двух–трех лет. С другой стороны, достаточно значимая их часть (12,8%) оказывается в составе тех, кто вообще ни разу за период 2005–2011 гг. не попадали в число бедных (хотя это все же заметно меньше, чем среди профессионалов или управленцев, где соответствующий показатель составляет 40,1 и 50,0%, соответственно).

Что же касается растущей во всех группах населения офисной занятости, предполагающей сравнительно невысокий уровень человеческого капитала, а также занятости в сфере торговли и бытового обслуживания, то уровень заработных плат в

⁴ Расчеты численности групп в соответствии с разработанной им методикой кодировки профессиональных статусов по ISCO-88, учитывающей особенности российских условий, проводились В. Аникиным [Аникин, 2009]. Светло-серый фон в таблице использован для показателей по группам с тенденцией устойчивого и значительного роста их численности, темно-серый – сокращения.

⁵ Примерно половину этой группы в России составляют представители элементарных форм занятости неиндустриального и несельскохозяйственного труда – уборщицы, гардеробщицы, дворники и т.п.

Рис. 1. Образовательный уровень трудоспособных от 18 лет и старше в разных группах населения (РМЭЗ, 2011 г., в %).

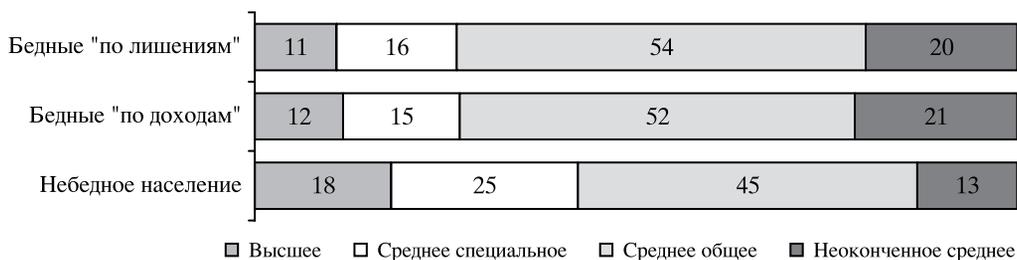

Рис. 2. Образовательный уровень неработающего трудоспособного населения от 23 лет и старше в разных группах населения (РМЭЗ, 2011 г., в %).

этих типах деятельности сильно дифференцирован в зависимости от региональных, отраслевых и поселенческих характеристик, а для занятости в сфере обслуживания и торговли – даже от конкретного места работы (например, работа в крупном сетевом магазине или поселковом “ларьке” и т.п.). Так что за близостью цифр, характеризующих соответствующие виды занятости у бедного и небедного населения, скрываются, видимо, по названию похожие, а на самом деле очень разные с точки зрения их качества рабочие места.

Во многом такая профессиональная структура бедного и небедного населения страны обусловлена различиями в качестве их человеческого капитала, и прежде всего – уровне образования. Как видно из рисунка 1, **качество человеческого капитала** бедных в части их образовательного уровня таково, что на наиболее привлекательные рабочие места они в массе своей заведомо претендовать не могут, или, точнее, шансы их при этом заведомо ниже, чем у небедного населения.

Это позволяет предположить, что тенденция массовой незанятости трудоспособных взрослых [Тихонова, Слободнюк, 2014] в значительной степени связана с *пресловутой “ловушкой бедности”*, когда доступные человеку рабочие места столь мало привлекательны, что ему *нет смысла выходить на работу: сопутствующие смене статуса занятости издержки окажутся непропорционально высоки по отношению к возможному выигрышу*.

То, что речь здесь можно вести о “ловушке бедности”, подтверждает, в частности, и следующий факт. Образовательный уровень неработающих трудоспособных бедных от 23 лет и старше заметно ниже, чем у бедных в целом (см. рис. 2). Кроме того, и среди небедных большинство (57,6%) неработающих трудоспособного возраста имеют образование не выше общего среднего, в том числе 13,1% – неполное среднее, что гораздо больше, чем по небедным в целом. Это заставляет предполагать, что *незанятость трудоспособного населения обусловлена сегодня в России в первую очередь его низким образовательным уровнем, и прежде всего отсутствием специального профессионального образования, не позволяющим претендовать на соответствующие*

запросам индивидов рабочие места. Во всяком случае, судя по данным РМЭЗ 2011 г., почти половина всех лиц трудоспособного возраста, не имеющих полного среднего образования, не имела и работы. В этой связи нельзя не отметить, что значительная доля лиц с неоконченным средним образованием, которая к тому же за последние годы выросла (<http://www.gks.ru/PEREPIS/graph2.htm>; http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/07-03.htm) – очень тревожное явление, которое на будущее чревато ростом доли незанятого населения среди коренных жителей страны.

Особенно же тяжелое положение в этом плане у лиц из группы хронически бедных. Среди них не имели в 2011 г. даже законченного среднего образования 18,1% лиц, и доля последних имела тенденцию к росту (см. табл. 4).

Таблица 4

Образовательный уровень трудоспособных от 18 лет и старше в группах населения, различающихся опытом пребывания в бедности (РМЭЗ, 2011 г., в %)

	Не попадали в бедность		Ситуационная бедность		Зона риска хронической бедности		Хроническая бедность	
	2005 г.	2011 г.	2005 г.	2011 г.	2005 г.	2011 г.	2005 г.	2011 г.
Незаконченное среднее	5,1	5,9	7,2	6,2	8,9	11,7	16,3	18,1
Среднее	36,3	35,4	36,4	35,9	49,8	44,8	50,0	48,5
Среднее специальное или незаконченное высшее	28,8	28,3	35,7	29,7	24,3	23,7	25,5	22,3
Высшее	29,8	30,4	20,7	28,3	17,1	19,8	8,2	11,1

Учитывая образовательный уровень бедных, понятно, что именно должности разнорабочих, продавцов и т.п. – это те профессиональные позиции, на которые, собственно, и может претендовать большинство незанятых бедных. И, учитывая молодость многих из них с характерными для нее высокими запросами, не удивительно, что в условиях в целом низкого уровня оплаты соответствующих видов деятельности, они не хотят выходить на работу, поскольку это мало что изменит в их жизни с точки зрения ее благополучия. Так захлопывается пресловутая “ловушка бедности”.

Если подытожить рассмотрение структурных предпосылок бедности в России с точки зрения особенностей профессиональных статусов бедных, можно сказать, что *и сам профессиональный состав бедных, и тенденции его изменения в России свидетельствуют о постепенном приближении профессионального портрета бедных, особенно представителей хронической бедности, к классическому профессиональному портрету бедности в развитых странах.* Однако эти общие с другими идущими по рыночному пути странами черты бедности сочетаются в России с *весьма специфическими особенностями занятости бедных.* В числе этих особенностей прежде всего сравнительно высокая (около 10%) и достаточно устойчивая доля руководителей и профессионалов даже в группе хронической бедности, а также неблагоприятное материальное положение квалифицированных рабочих. И хотя части последних удалось улучшить в последние годы свое положение, считать нормальной ситуацию, когда квалифицированные рабочие массово находятся в ситуации “плавающей” бедности и рассчитывать при этом на повышение престижа рабочих профессий, вряд ли приходится.

Свою роль в определении специфики профессионального портрета российской бедности играет и набор неравенств, вытекающих из разницы в уровне заработной платы за одну и ту же работу в разных регионах, типах поселений и отраслях. Так, профессионалы из числа бедных относительно чаще работают в низкооплачиваемых отраслях, а профессионалы из числа наиболее благополучного населения – в отраслях с наиболее высокими заработными платами. Однако различия занятости бедного и

небедного населения лишь частично связаны с их местом жительства и пространственным распределением предприятий различных отраслей. Отраслевое распределение бедных, выделенных в рамках обоих подходов к бедности, с одной стороны, и небедных – с другой, в целом достаточно близко (см. табл. 5). Единственными исключениями выступают вдвое большая доля бедных, занятых в сельском хозяйстве (в 2011 г. в нем были заняты 10,7% бедных “по доходам” и 9,8% бедных “по лишениям” при 4,1% среди небедного населения, что, впрочем, намного ниже доли сельского населения в составе бедных), и в полтора раза меньшая – в отраслях с более высокой, чем в среднем по экономике, заработной платой. Таким образом, *в любой отрасли бедные занимают наименее привлекательные рабочие места.*

Таблица 5

Отраслевое распределение работающих представителей различных групп населения
(РМЭЗ, 2011 г., в %)

Отрасли	Небедное население	Бедные “по доходам”	Бедные “по лишениям”
Бюджетные отрасли (управление, образование, наука, культура, здравоохранение, армия, МВД и т.п.)	30,8	27,3	26,9
Отрасли с относительно высокой заработной платой (нефтегазовая и тяжелая промышленность, машиностроение, в том числе отрасли ВПК, энергетика, финансы)	16,7	11,1	10,3
Сельское хозяйство	4,1	10,7	9,8
Прочие отрасли	48,4	50,9	53,0

Чуть заметнее отраслевая специфика занятости влияет на риски хронической бедности, хотя и в этом случае нельзя говорить о ее решающем или даже существенном воздействии (см. табл. 6). Скорее, речь и в этом случае может идти о занятости хроническими бедными наименее привлекательных рабочих мест во всех отраслях.

Таблица 6

Отраслевое распределение работающих представителей групп, различающихся опытом пребывания в бедности
(панельные базы РМЭЗ, 2005–2011 гг., в % от работающих представителей групп)

Отрасли	Не попадали в бедность	Попадали на 1 год	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность
Бюджетные отрасли (управление, образование, наука, культура, здравоохранение, армия, МВД и т.п.)	31,3	35,3	29,1	30,5
Отрасли с относительно высокой заработной платой (нефтегазовая и тяжелая промышленность, машиностроение, в том числе отрасли ВПК, энергетика, финансы)	18,5	20,3	17,1	11,3
Сельское хозяйство	3,3	3,7	7,8	9,2
Прочие отрасли	46,9	40,7	46,0	49,0

На нехарактерной для развитых стран высокой доле беловоротничковой занятости бедных сказывается также сильная дифференциация в России рабочих мест, формально относящихся к одним и тем же профессиональным статусам, но реально предъявляющих разные требования к квалификации занимающих эти места и содержанию

реально выполняемой работы. Косвенным индикатором разного качества таких мест может служить не только уровень зарплаты на них, но и предполагаемый ими уровень образования. Так, среди небедного населения рабочие места руководителей и профессионалов занимают преимущественно люди с высшим образованием (74,0%). В то же время, среди бедных “по лишениям” и бедных “по доходам” доля профессионалов, не имевших высшего образования (что, строго говоря, нонсенс), достигает почти 40%. Эта же особенность характеризует и рабочие места бедных из числа “белых воротничков” средней квалификации и представителей других профессиональных статусов.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать: специфика занятости представителей как бедных “по доходам”, так и бедных “по лишениям” говорит о том, что основная часть бедных в России, особенно – представителей хронической бедности, находятся в бедности не из-за их семейной ситуации, хотя и она имеет значение, а в силу распространенности в российской экономике низкоквалифицированного и низкооплачиваемого труда, а priori предполагающего немалую долю бедного населения. В то же время, человеческий капитал большинства бедных в целом соответствует занимаемым ими структурным позициям, и рост их зарплат в отрыве от зарплат более квалифицированных работников будет означать лишь нарастание “уровниловки”.

О связи доли бедных в составе населения и в типе ее экономики в нашей стране говорить не принято. Ведь когда речь идет о бедных, каждый из которых беден “сам по себе”, вопрос о структурных предпосылках бедности, требующий серьезных политико-экономических решений, оказывается как бы “за кадром”. Речь идет в основном лишь о помощи самим бедным, которые при этом выступают в роли “галчат”, в открытые рты которых должна забрасываться помощь, приобретающая характер благодеяния со стороны государства. Однако такая постановка вопроса возможна для филантропических организаций, но не для государственной политики. Не случайно в странах, которые принято называть развитыми, уже по крайней мере полвека идет планомерная деятельность по устранению структурных предпосылок бедности, а не только по совершенствованию путей оказания помощи малоимущим.

Если не бороться со структурными предпосылками бедности вообще и ее межгенерационным воспроизводством в частности, то бедность становится застойной и шансы вырваться из нее приобретают для большинства бедных, несмотря на получаемую ими помощь, призрачный характер. Именно так и выглядит ситуация в современной России. Не случайно сокращение доли бедных в последние годы резко замедлилось, а доля хронических бедных в составе бедных в целом достигает уже 70%. Уже одно это свидетельствует о том, что *бедные в сегодняшней России – это группа, ставшая невосприимчивой как к улучшению ситуации в экономике* (характеризовавшей период после кризиса 2008–2009 гг.), *так и к мерам политики борьбы с бедностью, активно реализовывавшимся в последние годы* (повышение пенсий, совершенствование системы разного рода пособий и льгот для малоимущих и т.д.). А это значит, что из “просто бедных” они, фактически, уже превратились в низший класс.

Общая оценка типов и причин российской бедности

Анализ профессиональных статусов бедных, отраслевой локализации их рабочих мест и качества их человеческого капитала свидетельствует не только о наличии структурных предпосылок бедности, жестко задающих общую численность бедных как особой социальной группы российского общества, но и о наличии в России разных типов бедности – преиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной и бедности, вызванной какими-то личными обстоятельствами. Охарактеризуем вкратце каждую из них и те меры, которые исторически оправдали себя при борьбе с бедностью соответствующих типов.

Преиндустриальная (доиндустриальная или сельская) бедность концентрируется в селах и связана с наличием значительного избыточного сельского населения и слабой распространенностью современного высокоэффективного сельскохозяйствен-

ного производства, что отражается и на уровне безработицы⁶, и на уровне зарплат на селе. Этот тип бедности особенно характерен в российских условиях для Северного Кавказа и других регионов страны со значительной долей сельского населения и высокой рождаемостью в селах. Иную природу имеет сельская бедность Нечерноземья или Северо-Западных районов страны. Однако и там она связана, в конечном счете, с технологической отсталостью сельскохозяйственного производства. В этом смысле сельская бедность в России по сути своей однотипна с сельской бедностью любой страны с незавершенными процессами урбанизации, высокой долей незанятого или частично (сезонно, временно и т.д.) занятого сельского населения и технической отсталостью сельскохозяйственного производства. Но она имеет и свою качественную специфику по отношению, например, к сельской бедности в других странах БРИКС, где натуральное хозяйство все еще играет в жизни сельских жителей гораздо большую роль, чем в России, а доля сельских жителей (и сельской бедности) намного выше.

Если говорить о роли государства в борьбе с бедностью этого типа, то она обычно ограничивается минимальной помощью беднейшим с учетом необходимости их простого физического выживания. Что же касается ликвидации причин бедности этого типа, то стратегически она предполагает завершение процессов урбанизации и утверждение высокоэффективного современного сельскохозяйственного производства, а наиболее тактически эффективный способ борьбы с ней – распространение в сельской местности системы производственного обучения молодежи по требующимся в городах специальностям с последующей ее организованной миграцией из сел в города.

Индустриальная бедность, характерная для всех стран, находящихся на этапе индустриального развития, и предполагающая прежде всего бедность низкоквалифицированной рабочей силы независимо от того, относятся ли ее обладатели к представителям физического (разнорабочие) или нефизического (торговля и т.п.) труда. Как было показано выше, рассчитанных на рабочую силу такого качества рабочих мест в России не просто много – их становится все больше. Однако ситуация с неквалифицированной рабочей силой в России относительно хуже, чем в других странах, проходивших этот этап развития, ибо в ней особенно велик ее приток извне (миграция из ряда бывших советских республик и других азиатских стран). В других же странах БРИКС, как и в свое время в Европе, источником притока неквалифицированной рабочей силы на рынок труда выступает прежде всего миграция из сельской местности в города с одновременным резким сокращением доли сельского населения и сельской бедности.

С бедностью индустриального типа принято бороться: стратегически – за счет стимулирования создания высокоэффективных рабочих мест методами инвестиционной и налоговой политики, развития общедоступных систем образования и повышения квалификации, а тактически – за счет очень жесткого контроля миграции извне, детальной проработки трудового законодательства, усиления контроля за его соблюдением, а также установления обеспечивающей социально приемлемый образ жизни минимальной почасовой оплаты труда⁷. Такой набор мер, успешно реализовывавшийся в развитых странах на соответствующем этапе их развития, имел не только и даже не столько гуманитарные цели – он выступал в них важным фактором увеличения темпов экономического роста, формируя качественный человеческий потенциал, способствуя росту социального капитала общества и обеспечивая стране дополнительные конкурентные преимущества на мировой арене. Социальная помощь, на которую мог рассчитывать при этом оказавшийся в сложной ситуации человек, уже не была ориентирована лишь на его элементарное физическое выживание. Она зависела от его классовой позиции, была сильно дифференцирована и в целом достигала гораздо больших размеров, чем в случае с бедностью прединдустриального типа.

---

⁶ В этой связи стоит отметить, что в селах и поселках городского типа в России не работают, судя по данным РМЭЗ 2011 г., свыше половины всех бедных трудоспособного возраста.

⁷ Распространенность среди бедных разного рода нестандартных форм занятости требует регулирования именно почасовой, а не помесечной оплаты труда.

Бедность постиндустриального типа, с которой ассоциируется понятие “новые бедные”. О ней активно заговорили на Западе с 1970-х гг. Возникновение ее было вызвано в развитых странах деиндустриализацией их экономик (точнее, сокращением в них индустриального сектора с одновременным выносом из них индустриальных производств в развивающиеся страны). В ходе этих процессов произошло сокращение рабочих мест, традиционно относившихся к среднему и рабочему классам (в последний в развитых странах принято включать при анализе социальной структуры общества только квалифицированных рабочих) с одновременным ростом структурных позиций верхнего среднего и низшего классов, то есть произошла поляризация их классовой структуры. В итоге в них резко обострилась конкуренция за эффективные рабочие места. Это, в свою очередь, привело к демпингу стоимости легко взаимозаменяемой (“родовой” [Кастельс, 2000]) рабочей силы и углублению дифференциации внутри ранее гомогенных профессиональных групп. В итоге многие ранее благополучные представители среднего класса и, особенно, их дети оказались в числе бедных.

В России, как отмечалось выше, процессы деиндустриализации в последние два десятилетия также имели место, но, в отличие от развитых стран, не сопровождались развитием четвертичного сектора. В третичном же секторе наиболее успешно развивалась и наращивала в последние годы число занятых торговля, где доля низкооплачиваемых рабочих мест и теневой занятости очень велика. В таких условиях не удивительно, что в составе бедных, в том числе и хронически бедных, в России оказывается часть населения со сравнительно высоким образовательным уровнем. Это говорит о том, что в России, несмотря на ее явные отличия в структуре занятости от развитых стран, вопрос о бедности этого типа также актуален. Хотя надо подчеркнуть, что Россия – единственная из стран БРИКС, имеющая массовую бедность этого типа.

Для развитых стран наиболее эффективным и тактически, и стратегически способом борьбы с бедностью данного типа были масштабные программы переквалификации рабочей силы с выплатой достаточно высоких пособий по безработице для предотвращения маргинализации и потери групповой идентичности в период поиска нового рабочего места. Одновременно проводилась политика умеренных адресных пособий по нуждаемости для сохранения интегрированности бедных в общество, при этом адресность должна была предотвратить развитие иждивенческих настроений в условиях наличия достаточно продуманной системы институциональных предпосылок для выхода человека из бедности за счет собственной активности.

Бедность, вызванная растущей индивидуализацией жизненных траекторий и судеб. Она связана с условиями ослабления механизмов социального контроля и усложнения жизни общества при переходе к поздне- и постиндустриальным этапам развития. При борьбе с бедностью этого типа в развитых странах учитывалось, что некоторые события в жизни домохозяйств (смерть кормильца, тяжелая болезнь кого-то из членов семьи, развод в семье с несовершеннолетними детьми и т.п.) предполагают активную помощь им со стороны государства и местных сообществ (и такого рода помощь, в том числе – и через стимулирование развития соответствующих страховых программ, активно используется во всех развитых странах уже более полувека). Это очень важно для предотвращения сползания такой семьи в хроническую бедность. Кроме того, учитывая рост в условиях усложнения общественной жизни числа социально дезадаптированных людей, в этих странах активно использовались программы социальной интеграции (для мигрантов) и реинтеграции для всех остальных. Другие индивидуальные причины бедности (нежелание включаться в трудовую деятельность на условиях, соответствующих качеству своего человеческого капитала, алкоголизм, наркомания и другие причины добровольной незанятости) по-разному воспринимались в развитых странах в зависимости от особенностей их предшествующего исторического развития и национальной культуры, что прямо влияло на признание права поддержки со стороны общества для такого рода бедных.

Этот тип бедности представлен в России достаточно широко. На ее распространенности сказывается прежде всего то, что при в среднем низких зарплатах и слабой семейной политике под угрозой бедности многие семьи оказываются уже в силу про-

стого наличия в них несовершеннолетних детей, а тем более – при каких-то семейных несчастьях. В то же время, каждый двадцатый бедный сам признает, что оказался в бедности из-за алкоголизма или наркомании – собственной или кого-то из членов своей семьи. Если же говорить о том, как оценивают роль этого фактора россияне в целом, то среди имевших, по их оценкам, бедных в своем ближайшем окружении, треть назвали причиной бедности хорошо им знакомых людей алкоголизм или наркоманию и каждый пятый – лень и неприспособленность к жизни⁸.

Таким образом, гетерогенность бедности в России отражает особенности переживаемого российским обществом этапа социально-экономического развития. При этом она имеет как общие, так и специфические черты по отношению к бедности в других странах, также проходивших (или проходящих) соответствующий этап развития, что необходимо учитывать при использовании их опыта борьбы с бедностью. Дополнительно усложняет ситуацию борьбы с бедностью в России пространственная дифференциация социально-экономического развития страны и многоукладность ее экономики, по-разному представленная в отдельных регионах.

Наконец, сказывается на понимании целей и задач в этой области также специфика исторического прошлого и культурное своеобразие разных регионов, различия в демографическом поведении их жителей и многие другие факторы. В этих условиях те меры, которые будут эффективными для борьбы с бедностью, например в Москве, могут не дать ожидаемого эффекта в Ингушетии и наоборот. В то же время, передавать борьбу с бедностью полностью на уровень регионов тоже нецелесообразно – у многих из них нет для этого не только ресурсов, но и четкого понимания того, как должна выглядеть эта борьба. Кроме того, такие рычаги борьбы с бедностью как инвестиционная, налоговая и т.п. политика находятся преимущественно в распоряжении центральных органов власти.

* * *

Анализ специфики производственных позиций российских бедных позволяет понять, что, несмотря на кажущуюся пестроту их социально-профессиональных статусов, в целом работающие российские бедные, в рамках какого бы теоретико-методологического подхода мы их ни выделяли, являются с точки зрения занимаемых ими структурных позиций достаточно монолитной группой. В подавляющем большинстве они занимают рабочие места, предполагающие низкую квалификацию и обеспечивающие низкую заработную плату. И в этом плане уровень бедности в стране задается ее профессиональной структурой.

В современной России, характеризующейся неоднородностью и многоукладностью экономического развития, присутствуют все типы бедности – прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная. Это затрудняет выбор способов борьбы с бедностью и легитимизацию их в общественном сознании, так как разные типы бедности предполагают и принципиально разные методы борьбы с ней, и очень разный объем социальной поддержки бедных, и разное отношение к ним со стороны общества. Дополнительно усложняет ситуацию локализация разных типов бедности в различных регионах и типах поселений.

Если от общей оценки ситуации перейти к тому набору изменений в реализуемой государством политике, которые необходимо использовать не для решения проблемы бедности в России (справиться с бедностью не удалось даже куда более развитым в экономическом отношении странам), а для предотвращения ее “расползания” и, особенно, консервации, то речь надо вести не столько о совершенствовании мер социальной поддержки и социального обеспечения, сколько о коррекции с учетом проблемы бедности других направлений государственной социально-экономической политики. В такой коррекции нуждаются прежде всего:

---

⁸ Данные исследования “Бедность и бедные в пореформенной России” Института социологии РАН (апрель 2013 г., $n = 1900$; 1600 человек – общероссийский массив, репрезентировавший население страны по региону проживания, полу и возрасту, и 300 человек – дополнительная выборка по бедным слоям населения).

– инвестиционная политика, важнейшим направлением которой должно стать изменение пропорций рабочих мест в пользу сокращения доли низкоквалифицированного и низкооплачиваемого труда;

– политика занятости, в рамках которой государству необходимо принять на себя функции, выполняемые в развитых странах профсоюзами и другими ассоциациями работников, в частности – регулирование минимальных почасовых заработных плат для разных типов рабочей силы с выведением их минимальных показателей на уровень 1,5 региональных прожиточных минимумов;

– миграционная политика, в рамках которой должна вестись “точечная” работа с притоком мигрантов на локальных рынках труда с учетом ситуации на различных их сегментах с одновременным резким сокращением нелегальной миграции;

– налоговая политика, предполагающая не только введение вычетов в размере регионального прожиточного минимума, а также налоговых вычетов на несовершеннолетних детей, но и стимулирование “по скользящей шкале” всех форм деятельности, связанных с попытками населения самостоятельно создать себе “подушку безопасности” на случай неожиданных бедствий (прежде всего – использования таких форм страхования, как страхование жизни, здоровья, жилья и домашнего имущества);

– социальная политика, которая должна перестать восприниматься как “большой собес” и одним из ключевых направлений которой должно стать сокращение избыточных неравенств и выравнивание стартовых условий для детей, молодежи и лиц, оказавшихся в сложной ситуации “не по своей вине” (потеря кормильца, инвалидность и т.д.).

Несомненно, это непривычная и достаточно сложная для администрирования постановка задач борьбы с бедностью. Однако, как показывает опыт развитых стран, все эти задачи вполне реализуемы. Только такого рода деятельность, а не совершенствование системы социальных пособий, не просто более эффективна в плане борьбы с бедностью, но и начинает играть с годами все большую роль в этой борьбе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин В.А. Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Общество и экономика. 2011. № 11–12.

Аникин В.А. Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции // Профессиональные группы: динамика и трансформация. М., 2009.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М., 2000.

Российский работник: образование, профессия, квалификация. М., 2011.

Тихонова Н.Е. Низшие классы в России (Теоретические и методологические предпосылки анализа) // Общественные науки и современность. 2010^а. № 4.

Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5.

Тихонова Н.Е. Особенности российского низшего класса // Общественные науки и современность. 2010^б. № 5.

Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1.

© Н. Тихонова, 2014